

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

КУСКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2017

**Культурно-семиотическое пространство
русской словесности:
история развития и перспективы изучения**

Материалы международной научной конференции

Москва
2017

УДК 02(063)
ББК 78я431 (0)
К90

Издано при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ)
Проект № 17-04-14034

Составитель:

И.В. Дергачева, декан факультета «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО МГППУ, д.ф.н., профессор

К90 **Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения** : Материалы международной научной конференции – М. : Кругъ. 2017. – 416 с.
ISBN 978-5-7396-0409-5

В сборнике представлены результаты актуальных научных исследований ученых, докторантов, преподавателей и аспирантов по материалам Международной научной конференции «Кусковские чтения – 2017. Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения».

Сборник предназначен для научных работников и преподавателей высших учебных заведений. Может использоваться в учебном процессе, в том числе в процессе обучения аспирантов, магистров и бакалавров в целях углублённого рассмотрения соответствующих проблем.

Все статьи в сборнике представлены в авторской редакции.

УДК 02(063)
ББК 78я431 (0)

ISBN 978-5-7396-0409-5

© ФГБОУ ВО Московский государственный
психолого-педагогический университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Традиции В.В. Кускова в современной гуманитарной науке: сопряжение теории литературных формаций и семиотического знания

Введение	7
<i>Воропаев В.А.</i> «Да будет воля Твоя...». О причинах смерти Н.В. Гоголя	9
<i>Кириллин В.М.</i> Тема щедрости в ранних похвалах великому киевскому князю Владимиру Святославичу	21
<i>Кирсанов А.И.</i> Генезис национальной безопасности. Актуальные проблемы безопасности образовательной среды	30
<i>Конявская Е.Л.</i> «Аще здѣ постигнет умрети, в покои будет»: тема конца земной жизни и спасения души в Киево-Печерском патерике	45
<i>Певцов Г.Д.</i> Особенности знаково-синтаксического строя «Слова о полку Игореве»	51
<i>Ранчин А.М.</i> Святой в летописном и житийном нарративе: Борис и Глеб в «Повести временных лет» и в агиографии.	61
<i>Ужанков А.Н.</i> К раскрытию тайны авторства «Слова о полку Игореве»	70
<i>Шилина И.Б.</i> Каналы социализации современной российской молодежи	91
Знаковые системы нравственных смыслов в древнерусской литературе и культуре	
<i>Антонова М.В.</i> Особенности текста «Повести о Свенской иконе Божьей матери».	97
<i>Бедина Н.Н.</i> Уставная реформа русского монашества XIV в. в отечественной и зарубежной историографии	106

<i>Иванова В.А.</i> «Родительский» топос в Житии Сергия Радонежского	115
<i>Коренева Ю.В.</i> Лингвоконцепт Исцеление в «Житии преподобного Пафнутия Боровского»	120
<i>Мильков В.В.</i> Онтологические основания танатологических концепций в древнерусской книжности	127
<i>Симонов Р.А.</i> Источниковедческий опыт изучения метрологических сведений в Библии (Книга пророка Исаии)	149
Проблемы русской словесности как совокупности систем культурно-обусловленных знаков: традиции и перспективы	
<i>Батурова Т.К.</i> Молитвенное слово святого праведного Иоанна Кронштадтского в восприятии современников	156
<i>Джулия Де Флорио.</i> Некоторые формальные аспекты в детской поэзии К.И. Чуковского	163
<i>Иванова С.В.</i> Культурологическая модальность как смыслообразующий фактор текста	174
<i>Исхакова З.З.</i> Эмотивное кросскультурное пространство	181
<i>Леденёва В.В.</i> Слово книга в текстах Н.С. Лескова	191
<i>Сасим А.С.</i> Актуализация образов и символов танатологического круга в творчестве В.А. Жуковского	199
<i>Шмелева А.В.</i> Религиозно-философское содержание поэзии Ивана Бунина 1888–1917 годов	206
<i>Юдаева О.В.</i> Повторы как примета идиостиля автора (на примере творчества Владимира Высоцкого)	219
Культурно-семиотическое пространство русской литературы в межкультурной коммуникации	
<i>Блудилина Н.Д.</i> Россия и Сербия: духовные и культурные взаимосвязи (в документальной литературе 1726–1762 гг.)	228
<i>Дергачева И.В.</i> Тема смерти и воскресения в творчестве Ф.М. Достоевского	240
<i>Michele Magnatti. La grande bellezza: le potenzialità dell'arte nella classe di italiano</i>	253
<i>Садикова В.А.</i> Место топика в современном культурно-семиотическом пространстве	263

**Современная текстология как перспективная область
развития семиотического знания**

- Журова Л.И.* Дружининский сборник посланий митрополита
Даниила (РНБ. Q.I.1439): вопросы циклизации. 272
- Зинкевич Т.Е.* Затворничество как необходимый этап
в подвижничестве столпников
(по материалам Отдела рукописей РГБ) 281
- Крутова М.С.* Рукописные источники о преподобных
Андрее Рублеве и Данииле Черном:
проблематика и гипотезы. 286
- Сукина Л.Б.* Нравственно-учительный сборник
из Троицкого Данилова монастыря Переславля-Залесского:
К вопросу о репертуаре келейного чтения
во второй половине XVII века 292

**Современные методики обучения языкам и культурам в едином
кросскультурном образовательном пространстве**

- Баймурзаева Г.Б.* Современные тенденции языкового
образования с точки зрения педагогической антропологии 300
- Зенкевич И.В.* Русский язык в США в период с 1920-х
до середины 1950-х гг.: к вопросу о состоянии
русистики в США с момента признания СССР
до полета Спутника 308
- Михайлова А.Е.* Интернационализация: глобальные тренды,
локальные задачи, инновационные подходы
и перспективы развития инфраструктуры
открытого образования 318
- Mulè Paolina.* *Quale formazione iniziale adeguata
per il futuro maestro nella scuola inclusiva* 329
- Павлушак Т.Б.* Формирование межкультурной компетенции
на основе произведения Н.С. Лескова «Левша»
в иноязычной аудитории 339
- Douglas Ponton.* *Persuasive farce: dialogical pragmatics
in the novels of P.G. Wodehouse* 347
- Giulia Sorrentino.* *Una proposta di laboratorio didattico
dell'italiano per russi attraverso la storia orale e
la multimedialità. Il caso del Museo Audiovisivo della
Resistenza di Fosdinovo.* 363

<i>Уткина Л.Н.</i> Трудности перевода произведений А.П. Чехова на английский язык (на примере коротких рассказов)	371
<i>Чуйко А.Н.</i> Компетентностный потенциал учебного предмета «Литература» (на примере формирования коммуникативной компетентности на уроках литературы в 5–6 классах)	378
<i>Шурпаева М.И.</i> Особенности обучения русскому языку как неродному на начальном этапе в условиях формирования двуязычия (лексический аспект)	408

Джулия Де Флорио

кандидат филологических наук
преподаватель русского языка и русской литературы в Государственном
Университете в Парме и в Государственном Университете в Мачерате,
(Италия, Парма)

Некоторые формальные аспекты детской поэзии К.И. Чуковского

Аннотация

Детским стихам К.И. Чуковского, начиная с самых ранних, свойственны поразительная оригинальность формы, блестящее сочетание традиционности и поэтических нововведений. В статье кратко описаны основные особенности метра, рифмы и синтаксиса детских стихов Чуковского, написанных с 1917 по 1932 гг. Рассматриваются воспринятые писателем фольклорные источники, русский и европейский поэтический контекст – как современный, так и предшествующий автору. Исследование освещает поворот, произведённый в детской литературе стихами Чуковского, его вклад в развитие детской поэзии нового типа, на фоне эпохальных изменений и последовавшей за ними Октябрьской Революции.

Ключевые слова: детская поэзия, Чуковский, фольклор, русская и зарубежная поэзия.

Some formal aspects of children's poetry Chukovsky

Abstract

Since the very beginning Chukovsky's children poetry has been characterized by an incredible formal originality, which makes it a well balanced mix of tradition and innovation. The article investigates the main characteristics of the children's texts written between 1917 and 1932 in terms of metrics, rhymes and syntax. Tracing back to the sources of folklore and poetic tradition – both contemporary and ancient, Russian and international – the analysis sheds a light on the revolutionary contribution of Chukovsky's children's art, on the background of the epical turn marked by the October Revolution.

Keywords: children's poetry, Chukovsky, folklore, Russian and foreign poetry

Alcuni aspetti formali della poesie di Chukovsky per bambini

Astratto

Fin dall'esordio la poesia per l'infanzia di K.I. Čukovskij si caratterizza per una incredibile originalità formale, rappresentando da questo punto di vista un perfetto connubio tra innovazione e tradizione. L'articolo indaga brevemente le principali caratteristiche di metro, rima, sintassi dei testi per l'infanzia composti tra il 1917 e il 1932. Risalendo alle fonti del folclore e della tradizione poetica – coeva e precedente, russa e straniera – la disamina getta luce sulla portata rivoluzionaria dell'arte di Čukovskij, sul suo contributo alla nascita di una nuova poesia per l'infanzia e sull'importanza del gioco e dell'ironia che lo scrittore sottolinea sullo sfondo dei cambiamenti epocali seguiti alla Rivoluzione d'Ottobre.

Parole chiave: la poesia per bambini, Chukovsky, folklore, poesia, russi e stranieri.

Сказки, написанные Чуковским с 1923 по 1932 г., представляют собой синтез всего, что писатель воспринял в предыдущее десятилетие, они возникают из профессионального интереса, пробудившегося в нём в это время, из свойственной Чуковскому привязанности к детям, из необходимости создать литературу, которая приходилась бы «впору» [1, с. 148] этим требовательным читателям и, быть может, из общей атмосферы послереволюционного энтузиазма и стремления к новому [2].

«Ритмика должна быть гибкой, зависящей от сюжета. Музыка стиха – для меня первое дело» [3, с. 355] – так Чуковский определяет важнейший принцип своего поэтического творчества: внимание к ритму, который поэт подбирает иногда буквально «на слух».

На уровне метрики Чуковский исходит из точного наблюдения: в народной поэзии для детей и в народных детских песнях преобладают хорей и анапест [4]. Он отмечает действенность перехода от одного к другому при необходимости обозначить переломный момент или увеличить выразительность текста. В то же время, некоторые метрические решения Чуковского гораздо сложнее сформулированных им принципов [5]:

За кусток,
Под мосток
И молчок!

А злодей-то не шутит,
Руки-ноги он Мухе верёвками крутит,
Зубы острые в самое сердце вонзает
И кровь у неё выпивает.
Муха криком кричит,
Надрывается,

А злодей молчит,
Ухмыляется. [6, с. 19]

В данном случае мы имеем дело не просто с переходом хорей в анапест, но, скорее, с наложением размеров друг на друга: в самом деле, первые три стиха можно воспринимать не только как двустопный хорей, но и как одноstopный анапест. Следующая строфа начинается с вольного трёхсложника с переменной анакрузой. Потом следуют графически не разделённые, но метрически отличающиеся стихи, восходящие к песенному размеру песни «Яблочко» и сходных частушечных форм – это, строго говоря, разностопный дольник. В данном случае мы наблюдаем одно из прямых соотношений с фольклорной традицией, прекрасно известной Чуковскому [7].

Ещё одна метрическая особенность безусловно народного происхождения – дактилическая и гипердактилическая клаузула. Об этом пишет сам Чуковский, в связи со стихами Некрасова: «Эти дактилические окончания (–UU) – неотъемлемая принадлежность русского фольклорного стихотворного ритма, и почти все былины, все причитания и великое множество песен, то есть сотни тысяч народных стихов, украшены этими дактилями. Здесь коренная, исконная форма русской народной поэзии» [8, с. 522]:

Ну и брюхо,
Что за брюхо –
Замечательное! [9, с. 53]

Будет, будет мошкара
Веселиться до утра:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница! [10, с. 21]

Тщательнейшее изучение метрики и музыки некрасовского стиха [11] оставило след в корпусе поэтических текстов Чуковского. Это можно заметить, например, в свойственном обоим поэтам использовании возвратной частицы *-ся* вместо *-сь* или в добавлении к глаголам частицы *-ка*, чтобы клаузула в стихе была дактилической [12]:

Испугались
Разбежались [13, с. 169]

Звери кинулись в бой [14, с. 25]

И помчались по улице ножи: [15, с. 69]

Уходите, бегите, спасайтесь! [16, с. 70]

Частица *-ка* не только создаёт ритм и задаёт интонацию, но и переводит текст в более разговорный регистр. Этот приём отвечает шутовскому, карикатурному или иронически-угрожающему тону сказок:

Принесите-ка мне, звери, ваших детушек [17, с. 26]

Подавай-ка мне павлиний [хвост] [18, с. 62]

Выходи-ка ты, Медведь, на подмогу [19, с. 78]

Помимо фольклорных текстов, Чуковский прекрасно разбирается в современной ему русской и европейской поэзии. В качестве критика он посещает собрания футуристов, дружит с Маяковским и глубоко восхищается Хлебниковым. О Маяковском напоминает характерное расположение стихов в строфе «лесенкой», хотя этим сходства между поэтами не ограничиваются [20]:

Это – ЧЕ!
 Это – РЕ!
 Это – ПАХА!
 Это – ЧЕЧЕРЕ!
 ПАПА!
 ПАПАХА! [21, с. 165]

В основе поэтики Велимира Хлебникова, как установлено в настоящее время, в качестве структурно-организующего принципа лежал фольклор [22], поэтому не кажутся удивительными прямые и косвенные отсылки Чуковского к его стихам. Например, четырёхстопный хорей «Мойдодыра»:

Я – Великий Умывальник,
 Знаменитый Мойдодыр,
 Умывальников Начальник
 И мочалок Командир! [23, с. 33]

напоминает о написанной Хлебниковым в 1922 г. поэме «Ладомир»:

Это шествуют творяне,
 Заменявши д на т,
 Ладомира соборяне
 С Трудомиром на шесте. [24, с. 6]

Ещё более выразительно выглядит звукопись в «Телефоне» при сопоставлении с началом стихотворения Хлебникова «Там, где жили свиристели» (1908):

Там, где жили свиристели,
 Где качались тихо ели,
 Пролетели, улетели

Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей. [25, с. 109]

А недавно две газели
Позвонили и запели:
– Неужели
В самом деле
Все сгорели
Карусели?
– Ах, в уме ли вы, газели?
Не сгорели карусели,
И качели уцелели! [26, с. 86]

На уровне звукописи нет никаких сомнений, что сказки Чуковского заимствуют у считалок изобилие звуков и звукоподражаний – приём, очень близкий детям с их акустической чуткостью:

Да чик-чирик,
чики-рики-чик-чирик! [27, с. 28]

Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля! [28, с. 69]

Ребёнок подсознательно воспринимает смысловые уровни, накапливающиеся через сцепление или чередование метров, через их объединение или наложение друг на друга: в самом деле, читая вслух стихотворение, он вовсе не думает о числе стоп или о подвижной анакрузе. Элемент, на который ребёнок, напротив, обратит внимание – это рифма. «Вообще всякая рифма доставляет ребенку особую радость. Когда она случайно подвернется ему в разговоре, он играет ею, твердит ее несколько раз, использует ее для импровизированной песни» [29, с. 268].

В поэтической системе Чуковского рифмы настолько важны, что о них идёт речь в двух заповедях для детских поэтов [30, с. 346].

В сказках Чуковского мы находим три основных вида рифм, которые иногда могут сосуществовать в пределах стихотворения. Безусловно преобладает внутренняя рифма, особенно в «Тараканище», «Мойдодыре» и «Айболите»:

Он рычит, и кричит [31, с. 23]

Такого больного, хромого, [32, с. 42]

Долго, долго целовала
И ласкала их она,
Поливала, умывала,
Полоскала их она. [33, с. 74]

Погодите, медведь, не ревите,
Объясните, чего вы хотите? [34, с. 85]

В процитированных примерах видно, что рифма может распространяться на один или на несколько стихов, оказываться в конце первого стиха и в начале второго, удваиваться в начале и в конце стиха, или даже утраиваться, как в следующих примерах:

Ох, нелегкая это работа –
Из болота тащить бегемота [35, с. 88]

Но веселые зверята –
Поросята, медвежата – [36, с. 90]

Также для стихов Чуковского характерны разноударные рифмы: «Корней Чуковский с разноударной рифмой ввел в стихи интонацию русской сказки, – когда строки то ли рифмуются, то ли синтаксически сопрягаются» [37, с. 43]

Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица! [38, с. 41]

В сложном переплетении средств художественной выразительности, использованных в стихах Корнея Ивановича Чуковского, мы можем наблюдать ряд характерных особенностей, в том числе и на синтаксическом уровне.

Нелегко было бы сосчитать все повторы и синтаксические параллелизмы в сказках Чуковского, настолько органично они вплетены в звуковую ткань стихотворений. Облегчить восприятие сюжета, вызвать сопереживание некоторым персонажам, включить читателя в увлекательную игру с ритмом – таковы некоторые функции сложных семантико-синтаксических переплетений в рассматриваемых нами текстах.

В отличие от использования метра, смена которого часто указывает на поворотный момент в повествовании, повторы возникают в те моменты, когда персонажи или рассказчик выражают положительные или отрицательные эмоции, увеличивая в то же время напевность текста.

Стыд и срам! Стыд и срам! [39, с. 37]

А в Африке,
А в Африке,
На чёрной Лимпопо,
Сидит и плачет
В Африке

Печальный Гиппопо.
Он в Африке, он в Африке
Под пальмою сидит [40, с. 44–45]

Концентрация повторов не случайно повышается в «Бармалее» и в «Федорином горе» – сказках с крайне сложной звуковой оркестровкой:

«Как я рад, как я рад,
Что поеду в Ленинград!»

Пляшет, пляшет Бармалей, Бармалей!
«Буду, буду я добрей, да, добрей!
Напеку я для детей, для детей
Пирогов и кренделей, кренделей!
По базарам, по базарам буду, буду я гулять
Буду даром, буду даром пироги я раздавать,
Кренделями, калачами ребятишек угощать. [41, с. 59]

Отчаянная попытка свирепого разбойника Бармалея исправиться, стать хорошим, передаётся повторами, знакомыми каждому ребёнку по его собственным торжественным клятвам и обещаниям; не исключена гипотеза, согласно которой Чуковский в данном случае иронизирует, никакого перевоспитания злодея не произойдёт, и настойчивость его обещаний доказывает их несостоятельность.

Когда повтор распространяется на несколько стихов, он образует анафору или эпифору:

У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки [...] [42, с. 32]

Синтаксические повторы объединяются с лексическими, и таким образом возрастает роль «вокальной инерции», которую Чуковский отмечает в стихах Некрасова [43] и к которой прибегает он сам, стремясь увеличить напевность своих сказок.

Наконец, следует упомянуть особую категорию повторов, которая возвращает нас к теме восстановления фольклорной традиции в обновлённом виде. Речь идёт о *ретардации*, особом виде повторения, распространённом в исторических песнях и в былинах, которую также называют *подхватыванием* или определяют как разновидность анадиплосиса [44]:

Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую! [45, с. 23]

И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил. [46, с. 35]

Больше всего примеров ретардации мы находим в «Крокодиле», и это неудивительно. В самом деле, сказка была написана в месяцы, когда Чуковский сосредоточенно изучал стихи Некрасова, и её поэтика и пафос ближе всего к былине, многие техники и стилиемы которой она воспроизводит.

Приведённые нами несколько примеров помогают лучше понять то ощущение, которое читатель испытывает, слушая или читая вслух сказки Чуковского – ощущение, что история продвигается вперёд широким или коротким шагом, ускоряясь или замедляясь в зависимости от контекста, но неизменно сохраняет интонацию, близкую к песенной. Помимо сложных структурных, метрических и ритмических систем, этот стремительно движущийся мир создают и другие элементы: высокая концентрация глаголов, в особенности глаголов движения, вытесняющих прилагательные, в сочетании с некоторыми часто встречающимися дополнениями. Многие из этих дополнений указывают на движение по некой поверхности и выражаются предлогом «по» в сочетании с дательным падежом [47]. Другие описывают движение по направлению к кому– или чему-либо, выраженное предлогом «за» в сочетании с винительным или с творительным падежом.

Поэзия Чуковского в равной степени наследует великой поэтической культуре прошлого, как народной, так и литературной, и оказывается связана с современной ей эпохой и с определяющими её новшествами. Чуковский изучал формирующуюся в то время массовую культуру [48] и едко критиковал её, но это не мешало ему понимать смысловые механизмы кино [49], видеть образно-выразительную силу манифестов [50].

В своих сказках писатель нередко прибегает к эффекту обманутого ожидания [51], не использовавшемуся прежде в детской литературе и обладающего большим комическим и воспитательным потенциалом: «Вот эта-то переменчивость ритмической фактуры стиха и была тем нововведением, тем новшеством, которое я ввел в свою работу над детскими сказками» [52, с. 385].

Возможность удивлять своего читателя неожиданными ритмико-синтаксическими решениями, не давая ему заскучать, на повествовательном уровне выражается в опрокидывании привычного мира, в перевёртышах – русском аналоге английских «topsy-turvy games», где медведи и кот едут на велосипеде (и даже задом наперёд), башмаки и сапожки растут на деревьях, а посуда убегает от дурной хозяйки. Всё это – лучшая из возможных школ понимания «реальности через фантазию», и речь идёт не об очередном парадоксе, которым Чуковский стремится поразить читателя, а о его твёрдой этической и эстетической позиции:

«Фантазия есть ценнейшее качество ума человеческого, и её нужно тщательно воспитывать с самого раннего детства, – как воспитывают музыкальное чутье, – а не топтать сапогами» [53, с. 190].

Через замысловатую игру с формой своих «лепых нелепиц», отражающей и поддерживающей новое содержание и новые сюжеты, Чуковский снова подтверждает фундаментальный для него принцип: избегать стереотипов и общих мест, ускользать из петли уже виденного и слышанного – и стараться оставлять место для неожиданностей, игры и фантазии.

Перевод с итальянского Гойхман М.

Литература:

1. Чуковская Л.К. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский, М.: АСТ, 2014, 320 с.
2. «Великая революция стала настроением, духом детской литературы гораздо раньше, чем она стала ее темой. Революция внесла в детскую литературу не только новые образы и идеи, но и атмосферу легкости, свободы, раскованности, новизны – как в “Радуге”, еще не превратившейся в “Елку”». *Петровский М.* Книга о Корнее Чуковском, М.: Советский писатель, 1966, с. 201.
3. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра-Книжный клуб. Т. 3. С. 355.
4. «Это почти единственный ритм радостных детских стихов. Хорей, который порою сопряжен с анапестом. Лучшие детские народные песни (такого же плясового склада) имеют в огромном своем большинстве тот же единственный ритм». *Чуковский К.И.* Собр. соч..Т. 2. С. 287.
5. «Здесь зазвучал для меня другой музыкальный мотив, соответствующий наступившему бедствию и резко отличающийся от прежних мажорно-ликующих ритмов. Хорей сменился скорбным анапестом». *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 384.
6. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 19.
7. Библиотека Чуковского насчитывала примерно 6–7 тысяч томов. Книги по фольклору и фольклористике занимают в Переделкино целые шкафы, а в Куоккале, их было и того больше. Можно предположить, что все эти материалы были у Чуковского под рукой, подготовленные к использованию. См. *Лозовская К.И., Паперный З.С., Чуковская Е.Ц.* (сост.) Воспоминания о Корнее Чуковском, М.: Советский писатель, 1977. С. 370–371.
8. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 10. С. 522.
9. *Чуковский К. И.* Собр. соч., т. 1, с. 19.
10. Там же. С. 21.
11. «Некрасов стал основной темой в литературной работе Чуковского в первое послереволюционное пятилетие». *Петровский М.* Книга о Корнее Чуковском, М.: Советский писатель, 1966. С. 188.

12. У Некрасова подобных приёмов значительно больше (см. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 10. С. 522–537), Чуковский выбирает среди них те, которые звучали бы естественно и непротиворечиво в детских стихах и не казались бы детям чуждыми и непонятными.
13. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 169.
14. Там же. С. 25.
15. Там же. С. 69.
16. Там же. С. 70.
17. Там же. С. 26.
18. Там же. С. 62.
19. Там же. С. 78.
20. Для обоих характерна любовь к гиперболам и к буквальной реализации метафоры, а также крайнее внимание к графическому оформлению текста и наличие эпической составляющей в повествовании.
21. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 165.
22. *Степанов Н.* Велимир Хлебников. Жизнь и творчество, М.: Советский писатель, 1975, 280 с.
23. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 33.
24. *Хлебников В.* Ладомир, М.: Современник, 1985. С. 6.
25. *Хлебников В.* Собр. соч.: В 6 т., М.: ИМЛИ РАН Наследие, 2000–2006. Т. 1. С. 209.
26. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 86.
27. Там же. С. 28.
28. Там же. С. 69.
29. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 268. Чуковский много говорит об этом в 1-й части 5-й главы книги «От двух до пяти» (см. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 264–279).
30. «Рифмы в стихах для детей должны быть поставлены на самом близком расстоянии одна от другой»; «Те слова, которые служат рифмами в детских стихах, должны быть главными носителями смысла всей фразы. На них должна лежать наибольшая тяжесть смысла». *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 346.
31. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 23.
32. Там же. С. 42.
33. Там же. С. 74.
34. Там же. С. 85.
35. Там же. С. 88.
36. Там же. С. 90.
37. *Сатуновский Я.* Литературоведческие и критические статьи, Мюнхен: Im Werden Verlag, 2009. С. 43.
38. *Чуковский К. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 41.
39. Там же. С. 37.
40. Там же. С. 44-45.

41. Там же. С. 59.
42. Там же. С. 32.
43. «Некрасов, как и всякий певец, был во власти этой вокальной инерции, и, спев какую-нибудь строчку стиха, так и тянулся повторить её словесный узор в новой строке». *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 8. С. 43.
44. *Sokol E.* Russian Poetry for Children, Knoxville, University of Tennessee Press, 1984. С. 77.
45. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 23.
46. Там же. С. 35.
47. Одно только выражение «по улице», «по улицам» встречается 11 раз, и эта конструкция часто употребляется также в прозе Чуковского.
48. Статья «Нат Пинкертон и современная литература» написана в 1910 г. См. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 7. С. 25–62.
49. Сходство между детской поэзией и кинематографическим искусством впервые отметил Юрий Тынянов: «Детская поэзия стала близка к искусству кино, к кинокомедии». *Лозовская К.И., Паперный З.С., Чуковская Е.Ц.* (сост.) Воспоминания о Корнее Чуковском. С. 66.
50. «В плакате и карикатуре зарождался столь востребованный художниками детской книги “новый, смелый и экспрессивный графический язык, полный острых преувеличений, чуждающийся прилаженности, мелочной детализации, спокойного повествования, не боящийся грубых, обобщенных и ломких линий, скупых и суровых черно-белых пятен”». *Фомин Д.В.* Искусство книги в контексте культуры 1920-х годов, М.: Пашков Дом, 2015. С. 75.
51. *Холшевников В.Е.* Стихovedение и поэзия (авт. сб. ст.), Л.: изд-во ЛГУ, 1991. С. 209–224.
52. *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 385.
53. Там же. С. 190.

Научное издание

Кусковские чтения - 2017

Материалы международной научной конференции

**Культурно-семиотическое пространство русской
словесности: история развития и перспективы изучения**

Ответственный за выпуск *И.В. Дергачева*
Корректор *А.Д. Бочарова*
Верстка *Л.А. Шелковой*

Издательство «Кругъ»
Тел. 8(499) 243-51-03

Подписано в печать 25.07.2017. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.
Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 26,0. Формат 60x84¹/₁₆

ISBN 978-5-7396-0409-5

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com